

Иванова Маргарита Викторовна, Гурьева Ирина Юрьевна

ПЕРЕПИСКА А. Д. ТОЙНБИ И Н. И. КОНРАДА: ШТРИХИ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ

В статье анализируются мировоззренческие, концептуальные и коммуникативно-биографические аспекты переписки Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби в контексте интеллектуально-общественной ситуации в СССР в конце 1960-х гг. Рассматриваются обстоятельства появления писем в публичном пространстве. Подход авторов, исследующих факт коммуникации двух известных историков и вызванный этим событием резонанс, позволяет глубже раскрыть как познавательный потенциал изучаемого источника, так и специфику общественной атмосферы эпохи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/2-2/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 86-91. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

15. **Pajewski J.** Odbudowa Państwa Polskiego, 1914-1918. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1985. 384 s.
16. **Ślisz A.** Prasa polska w Rosji w dobie wojny I rewolucji (1915-1919). Warszawa: Książka i Wiedza, 1968. 565 s.
17. **Trybuna.** 1917. 10 (23) czerwca.
18. **Tych F.** PPS – lewica w latach wojny, 1914-1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1960. 239 s.
19. **Wrzosek M.** Polskie korpusy wojskowe w Rosji w latach 1917-1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1969. 366 s.
20. **Zatorski A.** Polska lewica wojskowa w Rosji w okresie rewolucji, 1917-1918. Warszawa: Książka i Wiedza, 1971. 348 s.

THE POLISH POLITICAL ELITES AND PROBLEM OF CREATION OF THE POLISH VOLUNTEER MILITARY UNITS IN RUSSIA IN THE SPRING OF 1917

Zakharov Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
rusist.rgpu@mail.ru

In the article the reaction of different segments of the Polish political elite to the issue of the formation of the Polish volunteer military units in Russia in the spring of 1917 is considered. The author analyzes the dynamics of the evolution of the positions of various political forces in Poland, shows the gradual reevaluation of the Polish volunteer forces and embedding the latter in the conception of the formation, after the war, of the independent Polish state with its own armed forces, the core of which had to be exactly the volunteers from the Russian front.

Key words and phrases: the Polish history (the beginning of the XX century), the World War I, the Polish army, the Polish National Democratic Party, the Polish Socialist Party-“faction”.

УДК 930.2

Исторические науки и археология

В статье анализируются мировоззренческие, концептуальные и коммуникативно-биографические аспекты переписки Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби в контексте интеллектуально-общественной ситуации в СССР в конце 1960-х гг. Рассматриваются обстоятельства появления писем в публичном пространстве. Подход авторов, исследующих факт коммуникации двух известных историков и вызванный этим событием резонанс, позволяет глубже раскрыть как познавательный потенциал изучаемого источника, так и специфику общественной атмосферы эпохи.

Ключевые слова и фразы: переписка; исторический источник; «Оттепель»; диалог культур; социокультурный контекст.

Иванова Маргарита Викторовна, к.и.н., доцент

Гурьева Ирина Юрьевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
regionoved@mail.ru

ПЕРЕПИСКА А. Д. ТОЙНБИ И Н. И. КОНРАДА: ШТРИХИ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ©

Переписка Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби началась в 1967 г. в условиях сохраняющегося, несмотря на хрущёвскую «Оттепель», жёсткого противостояния двух общественно-политических систем. Уже в силу этого обстоятельства она приобрела в то время широкий общественный резонанс и привлекла внимание научного сообщества. Историография переписки достаточно обширна. Поднятые в ней проблемы находят отражение в трудах ученых, предметом исследования которых являются концептуальные идеи А. Д. Тойнби (Е. Б. Рашковский, Ю. Н. Семёнов, В. М. Мучник, О. В. Воробьева и др.). С другой стороны, переписка находит определенное место в работах, посвящённых анализу научного творчества Н. И. Конрада (Я. Я. Гуревич, Д. С. Лихачев, В. И. Семанов, Л. С. Тихвинский, А. Л. Монгайт, В. С. Санович, В. М. Алпатов, Е. В. Бадаев и др.).

Источниковой базой данной работы также являются тексты писем Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби и, по мере необходимости, других адресатов Н. И. Конрада. Письма – особая группа источников. Известно, что «исторический источник для научного исторического познания является одним из наиболее важных элементов, так как несет информацию о событиях прошлого» [6, с. 26]. В свою очередь, направленность и характер исторического и историографического исследования связан со спецификой изучаемого источника. Письма, наряду с мемуарами, дневниками, являются разновидностью источников личного происхождения. Во всех своих ипостасях (разновидность делопроизводственных документов, частная переписка, газетный жанр и др.) письма являются уникальным историческим источником: это средство общения между людьми, а также между людьми и властью. Они, по сравнению с другими источниками личного происхождения, наиболее презентативны при изучении общественных настроений [8, с. 466]. Источниковедческий анализ писем, как и всех источников личного происхождения, предполагает их анализ по трем основным направлениям: информационному, коммуникативному и биографическому [9].

Письма Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби – источник многослойный. Представляя собой частную переписку, они выходят за её пределы, становятся не только средством чисто личного общения, но и средством ознакомления участников переписки – и не только их – с научной жизнью, процессами, развёртывавшимися, прежде всего, в исторической науке. Поэтому неслучайно то, что в работах названных выше и других авторов переписка учёных рассматривается в основном в контексте исследования концептуальных взглядов А. Д. Тойнби и Н. И. Конрада. То есть письма ученых используются, прежде всего, для анализа сущности, эволюции методологических подходов учёных.

Однако информационная ценность писем Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби не исчерпывается только этим сюжетом. Их переписка не ограничивается обменом мнений по вопросам мировоззренческого, концептуального характера. Она, пусть не прямо, но выводит на общественно-политические события, настроения людей. Она отражает также включённость авторов писем в общественные процессы, раскрывает их личностные качества, то есть даёт прекрасный материал для раскрытия их индивидуальности. Последнее имеет большое значение. Переписка, с точки зрения источниковедения, является безусловным носителем исторической информации, но информации, отраженной человеком. А потому лично-профессиональные качества участников переписки – это своеобразный индикатор для оценки адекватности содержащейся в ней информации. Имеющаяся литература (в частности, работы О. В. Воробьёвой, Е. В. Бадаева) не обходит своим вниманием и эти стороны источниковедческой ценности переписки Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби. Но они, тем не менее, не являются в ней предметом специального рассмотрения. Так, Е. В. Бадаев, характеризуя переписку учёных как один из источников своей диссертационной работы, подчёркивает, что она «позволяет уточнить теоретический поиск обоих ученых, обозначить различия и точки соприкосновения в их взглядах», а также **«косвенно (подчёркнуто нами – М. И. и И. Г.) соприкоснуться с неоднозначной интеллектуально-общественной атмосферой советского общества в 1960-х годах»** [3].

Представляется также, что пока ещё не использован в полной мере потенциал переписки для выявления лично-профессиональной характеристики авторов писем, то есть её коммуникативно-биографическая составляющая. Кроме того, переписка двух учёных имеет определённый – и, по нашему мнению, ещё до конца не раскрытый – потенциал для изучения особенностей и конкретики «Оттепели», наступившей в СССР после XX съезда КПСС.

Таким образом, наша работа – это попытка проанализировать не только мировоззренческие и концептуальные, но и коммуникативные и биографические аспекты переписки в контексте социально-культурных процессов, протекавших в советском обществе в конце 1960-х гг. Только при таком подходе можно наиболее полно понять обстоятельства, сопровождавшие появление писем в советской печати. Даже предметный анализ редакционной политики журнала «Новый мир» расширяет представления о том, результатом какой внутренней борьбы, компромиссов и способности отстаивать свою позицию было появление в публичном пространстве всего двух писем всемирно признанных ученых, главным содержанием которых было стремление к диалогу культур. То есть предметом данной статьи является не только содержательная сторона переписки, но и «ситуация с публикацией» – анализ и интерпретация контекста, в котором эти письма увидели свет.

Мировоззренческая основа взаимного обмена идей между двумя историками может быть рассмотрена в терминах «диалога культур», описанного в работах М. М. Бахтина. Особенно это относится к диалогу представителей разных культурных традиций, как в данном случае. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины», – писал М. М. Бахтин [4, с. 334-335].

Инициатором переписки ученых выступил А. Д. Тойнби. Английский ученый прочитал переведенную на русский язык его коллегой рецензию на книгу «Запад и Восток», опубликованную в журнале «Новый мир» в 1966 г. Она заинтересовала его, прежде всего, главой «О смысле истории». В ней он, по его словам, нашел упоминание о своем «взгляде на этот предмет» [10, с. 397]. Завязавшаяся таким образом в 1967 г. переписка продолжалась до 1970 г., то есть до смерти Н. И. Конрада. 16 сентября 1970 г. Н. И. Конрад отправил последнее письмо А. Тойнби, которое, по всей видимости, было если не последним, то одним из последних в его жизни.

Сам по себе этот факт содержит в себе весьма значимую информацию. Он, прежде всего, отражает те изменения, которые происходили в 50-60-х гг. XX в. в мире. «Железный занавес» между СССР и капиталистическим миром начал терять свою непроницаемость: буржуазный, реакционный с точки зрения советской идеологии английский учёный в своей стране получал возможность не только ознакомиться с научной статьёй советского автора, но и открыто переписываться с одним из известных представителей советской исторической науки. Нельзя также сбрасывать со счетов факторы, характеризующие логику развития гуманитарных наук в это время. Имеется в виду поиск новых методологических парадигм в исторической науке, который происходил и в СССР. Проблема обновления методологического потенциала исторической науки волновала и Н. И. Конрада, и А. Тойнби. Нельзя также не учитывать и личные научные пристрастия, индивидуальные качества обоих учёных, их имидж как возмутителей спокойствия в исторической науке.

Н. И. Конрад – учёный, который на всём протяжении своей научной деятельности отличался определённой независимостью суждений. Приняв в 1920-х гг. марксизм – судя по всему, сознательно – он, тем не менее, не был склонен к его догматическому восприятию. Особенно явно это стало проявляться с конца 1940-х гг. Именно тогда учёный обратился к проблемам осмысления социокультурных составляющих исторического процесса. Этот поиск привел его к выводу о том, что в основе единства человечества лежит гуманизм.

Уже в 1950-х гг. в научном сообществе получили известность его концепция «восточного Ренессанса» и идея гуманизма как «начала, одушевляющего человека в его личном и общем поведении» [Там же, с. 9].

Идея «восточного Ренессанса» привлекла в те годы внимание многих советских востоковедов. Но среди них было и немало тех, у кого она вызвала критическое отношение, отторжение, непонимание. Востоковед К. Антонова была одной из них. Она долгое время – с 1942 г. по 1979 г. – работала в Институте востоковедения, была хорошо знакома с Н. И. Конрадом. Её, как она написала впоследствии в своих мемуарах, смущало, что «Конрад, всегда выступавший против европоцентризма, вдруг увидел на Востоке все этапы развития, характерные для Европы». Трактовка Н. И. Конрадом Ренессанса «в аспекте развития идей гуманизма» её не удовлетворила. «Я не поняла, – признавалась К. Антонова, – что Конрада увлекала “вечная проблема” соотношения государства и личности – и в период гонения у нас на диссидентов... Конрад на своём материале старался доказать, что прогресс достигается лишь тогда, когда государство не подавляет личности, а даёт расцвести талантам» [2, с. 134-135]. Может быть, именно поэтому весьма резкой была реакция Н. И. Конрада на критическую статью Л. З. Эйдлина, возмущившая его «злостью», «высокомерным», «учительским» тоном. Поэтому он твёрдо заявил тогда: «...я не разговариваю с тем человеком, который меня публично третирует как невежественного юнца... И буду продолжать работать так, как мне кажется правильным и научно плодотворным» [10, с. 394]. Важно заметить, что это сказано человеком, который прекрасно понял публикацию Л. З. Эйдлина как «окрик со стороны властей, показывающий, что он, по их мнению, слишком далеко зашёл в своих расхождениях с официальной линией» [2, с. 135].

Концентрированным выражением творческих поисков учёного стал его труд «Запад и Восток». Он, как известно, также неоднозначно был принят советским научным сообществом. Часть его, стоявшая на позициях «официального марксизма», усмотрела – и справедливо – в позиции Н. И. Конрада отход от такового. Другая часть приветствовала концептуальный поиск учёного, его попытку, по словам Л. Н. Гумилёва, объединить идеи двух концепций – всемирно-исторической и культурно-исторической.

Неприятие многими историками концептуальных новаций Н. И. Конрада переносилось и на личность учёного. Дело доходило до откровенного злобствования: в 1969 г., когда Конрад, первым из советских учёных, был удостоен японского ордена Восходящего Солнца, нашлось немало «коллег», сопроводивших награждение только одной репликой: «Пусть будет благодарен, что сейчас не 1937 год!» [10, с. 372].

Как известно, культурологическое основание имеет и концепция локальных цивилизаций А. Д. Тойнби. Последнего, как и Н. И. Конрада, волновали общеполитические проблемы будущего человечества. Так что общность предметных исследовательских полей историков – это несомненная скрепа всей переписки, без которой она вряд ли получила бы развитие после первых писем.

Два первых письма А. Тойнби и Н. И. Конрада были опубликованы в журнале «Новый мир» под рубрикой «Диалог историков». Редактора, А. Т. Твардовского, привлекли два обстоятельства: новизна контакта советского учёного с «капиталистическим» и острота затронутых тем [Там же, с. 362]. Именно позиция А. Т. Твардовского сделала возможной публикации писем А. Д. Тойнби и Н. И. Конрада на страницах журнала в 1967 г.

Журнал в это время переживал сложные времена. Если рассматривать переписку учёных как событие, способствующее расширению коммуникативного пространства – научного, общественного, культурного, – то в данном событии полноправным участником является и журнал «Новый мир». О «Новом мире» и его роли в общественной жизни 1960-х гг. известно многое, в том числе и то, что ситуация в журнале и вокруг него постоянно менялась [5]. Для понимания рассматриваемого нами предмета важно знать обстановку в журнале после XX съезда КПСС не вообще, а непосредственно в период публикации писем Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби.

Ситуация в общественной жизни СССР в 1966-1967 гг. уже не внушала оптимизма. Обсуждая с В. М. Жирмунским возможность создания журнала по сравнительному литературоведению, Н. И. Конрад отмечал: «Преодолеть известную настороженность некоторых кругов в подобной проблематике можно, но не так просто. Во всяком случае – при нынешней ситуации... в 10-м номере “Нового мира” нет романа Симонова, а в 11-м – нет “Ракового корпуса” Солженицына, хотя редактор и остался и даже отказался от “совета” обновить редакцию» [10, с. 361]. Обратим внимание, что для Н. И. Конрада вполне сопоставимо сравнение специализированного издания по гуманитарным наукам и литературно-художественного, каким был журнал «Новый мир». Это неслучайно: значение последнего выходило далеко за пределы чистой литературы. На его страницах публиковались рецензии на серьезные научные издания. Именно в этом журнале в отделе публицистики и литературной критики поднимались общественно значимые вопросы, вызывавшие бурную полемику.

В конце 1966 – начале 1967 г. в редакционном портфеле «Нового мира» находилось несколько материалов, публикация которых ожидалась, но одобрения «сверху» не получила. Среди них были фронтовые дневники К. Симонова и «Раковый корпус» А. И. Солженицына. Автор «Последнего дня Ивана Денисовича», поначалу горячо поддержанный Н. С. Хрущевым, к 1966 г. превратился в опального писателя: был конфискован его архив, считались «непроходимыми» его произведения. При этом А. Т. Твардовский поддерживал с ним деловые и дружеские отношения и не терял надежды на благоприятный исход истории с «Раковым корпусом». Это произведение он как редактор высоко ценил. В июне 1966 г. в редакции «Нового мира» состоялось обсуждение первой части «Ракового корпуса». Мнения разделились: «... молодая часть редакции... была энергично за печатание, а старая... столь же решительно “против”. Только что вступивший в редакцию очень искренний Виноградов сказал: “Если этого не печатать, то неизвестно, для чего существуем”» [11, с. 144]. Публикация была отложена, однако, судя по цитированному выше письму Н. И. Конрада, близкая к редакционным делам

читательская аудитория была уже о ней наслышана. Поскольку роман так и не появился в журнале, он ушел в самиздат и оказался за границей, что вызвало негодование властей и косвенно отразилось на А. Т. Твардовском.

Определенная оппозиционность «Нового мира», проявлявшаяся, в частности, в его полемике с консервативным «Октябрем», видимо, уже не удовлетворяла часть общества, разочарованную непоследовательным и незавершенным процессом десталинизации. Для неё либерализм «Нового мира» и его главного редактора был поверхностным и ограниченным. Таким образом, журнал оказывался как бы под двойным прессом: давления власти – сверху, требований части читательской аудитории – снизу. А. И. Солженицын писал: «Мне скажут, что “Новый мир” долгие годы был для читающей русской публики окошком к чистому свету. Да, был. Да, окошком. Но окошком кривым, прорубленным в гнилом срубе, и забранном не только цензурной решеткой, но еще собственным добровольным идеологическим намордником» [Там же, с. 134]. Главная проблема журнала, по Солженицыну, – не только в цензурном гнете, но и в давлении ортодоксальной марксистской идеологии, от которой не мог отказаться и сам Твардовский, и его уже снятый покровитель. Писатель был убежден: «Твардовский, как и Хрущев, был в довечном залятом плену у принятой идеологии. У обоих у них природный ум бессознательно с нею боролся и когда побеждал – то было лучшее и высшее их» [Там же, с. 143].

Пути писателя и редактора разошлись. Однако их личные отношения сохранились. А. И. Солженицын писал: «Наша встреча была 16 марта (1967)... За это время он (Твардовский) потерпел несколько партийных и служебных поражений: на XXIII съезде его не выбрали больше в ЦК; сейчас не выбрали и в Верховный Совет РСФСР; с потерей всех этих постов еще беспомощней он стал перед наглой цензурой... А недавно ЦК актом внезапным и непостижимым по замыслу, минуя Твардовского, не предупредив его, снял двух его вернейших заместителей – Дементьева и Закса. Административно, конечно, это было плевок в Твардовского» [Там же, с. 160]. Ситуация была столь напряженной, что редакция во главе с А. Т. Твардовским собиралась в отставку.

И именно в эти драматичные для журнала дни начинается история публикации переписки двух историков. Упоминание о ней мы находим в письме Н. И. Конрада Б. Б. Вахтину от 30 марта 1967 г. Н. И. Конрад, несомненно, осведомленный о редакционных трудностях, в своём письме Вахтину сообщал: «Кстати сказать, они – в редакции – торжествуют победу, рвутся... в бой. В редакцию вошел Ефим Дорош... Словом, редакция укрепилась» [10, с. 362]. Таким образом, журнал выжил, редакция обновилась, вместо уволенных пришли новые, творческие, активные сотрудники, готовые поддержать главного редактора. Об этом же свидетельствовал и А. И. Солженицын: «...он (Твардовский – М. И. и И. Г.) рассказывал благодушно, как он хорошо и умно перестроил редакцию журнала, как одним и тем же выражением “сочту за честь” приняли его предложение войти в редакцию Дорош, Айтматов и Хитров» [11, с. 161].

В то же время у Н. И. Конрада были определённые сомнения относительно публикации писем. О них он также писал Б. Б. Вахтину [10, с. 362]. Опасения учёного оказались небезосновательными – появление двух первых писем в 10-м номере журнала за 1967 г. доставила ему немало волнений.

Убеждение Твардовского в том, что диалог ученых будет интересен читателям, поддержала далеко не вся редакция. Повторилась ситуация с романом Солженицына: консервативная часть редколлегии была «категорически против публикации». Все решило мнение Твардовского. Оппоненты усмотрели в позиции Н. И. Конрада недопустимое соглашательство с «реакционной концепцией английского буржуазного историка» «вместо того, чтобы противопоставить нашу (*т.е. марксистскую* – М. И. и И. Г.) концепцию единства» [Там же, с. 363-364]. Следует заметить, что А. Д. Тойнби, конечно же, являлся буржуазным учёным. Но его никоим образом нельзя отнести к реакционным буржуазным учёным, так как оголтелый антикоммунизм ему не был присущ. Более того, труды учёного свидетельствуют о его стремлении проникнуть в суть советского коммунизма, найти его истоки, как в мировой истории, так и в цивилизационных особенностях России [13, с. 562-567].

Отнесение А. Д. Тойнби некоторыми членами редакции «Нового мира» к разряду реакционных учёных – это дань общеполитической конъюнктуре, отражение их неспособности видеть разницу между пропагандой и научной полемикой. Но это также дань советской традиции выносить вердикты в отношении тех или иных, сомнительных с официальной точки зрения, личностей без всякого представления об их действительных воззрениях. Можно предположить, что выступавшие против публикации члены редакции, скорее всего, не были знакомы с научными трудами британского учёного.

О настроениях самого А. Т. Твардовского в то время свидетельствуют его дневниковые записи, опубликованные в 1990-х гг. Одна из них, сделанная 24 августа 1967 г., достаточно красноречива. «Работа моя в редакции, – констатирует сложившуюся ситуацию А. Т. Твардовский, – очень условная, без всякого подъёма, так только – кое-как. Ясно, что жизни не предвидится. Не ко двору – так не ко двору... Жаль ребят, а сам уже не чувствую сил и запаса жизни, чтобы продолжать тратиться на ж[урнал], который, по-видимому, завершает свой период подъёма...». Но именно в этой же записи от 24 августа 1967 г. говорится о написании им писем «Конраду, Тойнби (по совету первого)» [1]. Таким образом, даже понимание ситуации с журналом, ожидание возможных перемен в своей собственной судьбе не могли заставить А. Т. Твардовского отказаться от своих жизненных принципов. Диалог историков он считал важным и нужным делом и не сожалел о своём «категорическом мнении» (выражение Н. И. Конрада) опубликовать их переписку. Публикация писем британского и советского историков вызвала очередную дискуссию в научных исторических кругах СССР. Она, как обычно, не обходилась без приемов, которые порой превращали ее в простое шельмование. Особенно возмутила Н. И. Конрада «резкая отрицательная» оценка, сделанная публично членом-корреспондентом В. Трухановским. Причем возмущение у него вызвала не оценка сама по себе, а ее оскорбительный тон. В связи с этим Н. И. Конрад с сожалением констатировал факт «наличия сторонников

старой манеры полемики с западными учеными» [10, с. 365]. Однако, несмотря на волнения, пережитые Н. И. Конрадом и А. Т. Твардовским, оба они не жалели о состоявшейся публикации. В своём поздравлении по случаю 60-летия А. Т. Твардовского ученый подчеркнул, что он благодарен юбиляру за то, что, став, при его непосредственном участии, одним из авторов «Нового мира», присоединился к «большому и ответственному делу». Для Н. И. Конрада А. Т. Твардовский был одним из тех, «кем поддерживается честь и величие... страны» [7]. Обращаем внимание на то, что свое появление на страницах «Нового мира» (а это, прежде всего, публикация его письма к Тойнби) Н. И. Конрад рассматривал как «большое и ответственное дело». И именно поэтому он как истинный ученый «ввязался в бой», согласившись на эту публикацию. Хотя, как было показано выше, прекрасно понимал драматические последствия для себя этого шага. Это тем более важно подчеркнуть, если учесть, что по своему общественному темпераменту он, по справедливому, на наш взгляд, утверждению М. Ю. Сорокиной, не был «ниспровергателем и бунтарем» [12].

Таким образом, история публикации писем Н. И. Конрада и А. Тойнби – это один из многочисленных конкретных штрихов, свидетельствующих о том, что к концу 1960-х гг. послесъездовская «Оттепель» явно уходила в прошлое. «Закулисье» переписки отражало тенденцию не только усиления, но и ужесточения контроля над деятельностью учёных.

Нет необходимости говорить о колоссальном объеме исторических знаний, эрудиции Н. И. Конрада и А. Д. Тойнби. Интерес представляет их манера общения, культура полемики. Самое существенное в ней – стремление донести до своего адресата своё видение проблемы, получить его представление о ней и понять ее. «Мне кажется, – писал Н. И. Конрад, – что такое обоюдное разъяснение научных позиций позволит нам лучше понять друг друга, а в научном общении такое взаимное понимание – самое важное» [10, с. 401].

В этом отношении особенно показательны первые два письма А. Д. Тойнби и Н. И. Конрада. Они значительны по объему и явно несут на себе отпечаток стремления обоих обозначить свои «точки отсчета», что общем-то объяснимо: учёные понимают важность информации из «первых рук», не искажённой чьей-то интерпретацией. А. Д. Тойнби, опасаясь, что его взгляды дошли Конрада «не вполне точно», по пунктам излагает суть своей концепции, ее расхождения с концепцией О. Шпенглера. Н. И. Конрад же, заявив о своей солидарности с Тойнби в вопросе о важности изучения цивилизации (то есть культуры как основы цивилизации), сосредотачивает значительное внимание на сложности становления в СССР культуры, которая соответствовала бы новому общественному строю. Он также излагает свои суждения о путях решения этой проблемы: «... нам нужно изучать историю мировой культуры», «надо строить, прежде всего, культуру современную – это первое и главное», «учитывать не только те формы социализма, которые установились в нашей стране, но и те, которые сложились в других социалистических странах», и т.д. [Там же, с. 402, 407]. Не вызывает сомнения то, что Н. И. Конрада действительно волновало состояние культуры в СССР. Но создается впечатление, что этот сюжет изложен им с излишней идеологической окраской. С учётом того «закулисья» вокруг переписки, о котором шла речь выше, оно вполне объяснимо.

Соглашаясь с А. Д. Тойнби в том, что единство человечества может быть создано только культурой, Н. И. Конрад обращает его внимание на то, что на путях к этому единству следует учитывать существование двух лагерей, каждый из которых представляет собой «некую монаду истории», цивилизацию [Там же, с. 404]. То есть Н. И. Конрад достаточно внятно обозначил свою приверженность к принятому в СССР подходу деления мира на две социально-экономические системы и, соответственно, на их различные идейно-политические основы.

«Программные заявления» двух первых писем создали основу для продолжения переписки. Стороны как бы приняли позиции друг друга, но ни один из них не встал на путь полемической конфронтации. А. Тойнби оставил без внимания мысль Н. И. Конрада о том, что различные социально-экономические системы обладают признаками цивилизации, монадности. Н. И. Конрад в последующих письмах также не возвращался к этой мысли. Оба учёных, не отрицая факта существования двух систем, сосредоточили свое эпистолярное общение вокруг тех проблем развития мира и исторической науки, которые, по их мнению, являются общими для всего человечества. «Перед нами, – писал А. Тойнби, – стоят одни и те же проблемы» [Там же, с. 413]. Это не означает, что Н. И. Конрад и А. Д. Тойнби в своих письмах вообще не касались происходящих на их глазах политических событий. Они имеют «временные метки» – обострение отношений между СССР и КНР, СССР и Чехословакией, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Но в центре внимания ученых были, прежде всего, общеполитические вопросы «нахождения действенного равновесия между разнообразием и единством», использования достижений науки и техники в интересах созидания, а не разрушения. Учёных объединили не только понимание значимости этих вопросов для общества, но и обеспокоенность по поводу опасностей, тающихся «в современной системе массовой коммуникации» [Там же, с. 409]. Очень деликатно, скорее, в культурологическом аспекте, присутствует тема религии. Удивительно, что именно Тойнби обращает внимание на кенотический характер русской святости, в частности, воплощенный в образах Бориса и Глеба. Конрад благодарит за подсказку и пишет, что сам об этом не думал [Там же, с. 417]. А. Д. Тойнби предметно заинтересовала проблема отчуждения личности, затронутая в одном из писем Н. И. Конрада [Там же, с. 414]. С большим одобрением отнёсся он к возникшей у Н. И. Конрада идее публикации трилогии «Исповедей» Августина, Жан-Жака Руссо, Л. Н. Толстого [Там же, с. 424-427, 428]. Их, по мнению А. Д. Тойнби, объединяло время написания – кануны новых эпох, а их содержание было своеобразным человеческим ответом на «вызовы» этих новых эпох. Для Н. И. Конрада, всегда искавшего в исторических памятниках связи с современностью, публикация «Исповедей» – возможность найти ответ на «вызов» своего времени. Таким образом, переписка –

это разговор двух крупных оригинальных личностей, представляющих, по существу, разные исторические концепции. И каждый из партнёров при этом хочет взять – и берёт – у своего собеседника всё лучшее.

Обращает на себя внимание изменение тональности писем. Некоторая академическая сухость первых постепенно сменяется более тёплой, доверительной окраской последующих. В них «прописываются» не только сюжеты профессионального характера. А. Тойнби и Н. И. Конрад делятся информацией о состоянии своего здоровья, воспоминаниями о прошлом, впечатлениями об увиденном. То есть профессиональное общение, его характер порождают чисто человеческий интерес друг к другу, помогают преодолеть первоначальную настороженность.

Примечательна стилистика писем А. Тойнби и Н. И. Конрада. Она отличается деликатностью выражений, отсутствием категоричности выражений, «навязывания» своих оценок, уважительностью к адресату. Она «работает» на общение с целью более глубокого уяснения позиций друг друга, взаимообогащение. То есть стилистика отражает понимание учёными разницы между научной и «митинговой» полемикой.

Таким образом, переписка Н. И. Конрада и А. Тойнби – это достаточно значимый исторический памятник. Отдельный факт – контакт ученых-историков – отражает целый спектр проблем «хрущевской оттепели»: ее мировоззренческие и идейные поиски, стремление к открытости и к свободному обмену мнениями, и, вместе с тем, – ограниченность и непоследовательность шагов в этом направлении.

Список литературы

1. Александр Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов. Публикация В. А. и О. А. Твардовских [Электронный ресурс] // Знамя. 2002. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/10/tvar.html> (дата обращения: 14.10.2014).
2. Антонова К. Мы, востоковеды // Восток. 1992. № 4. С. 124-136.
3. Бадаев Е. В. Формирование культурно-исторической концепции Н. И. Конрада [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к.и.н. URL: <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-kulturno-istoricheskoi-kontseptsii-ni-konrada> (дата обращения: 12.10.2014).
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
5. Белкин А. «Новый мир» Александра Твардовского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/2010/05/05/21> (дата обращения: 05.10.2014).
6. Боровкова О. В. Электронный исторический источник: проблемы и возможности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 9 (47). Ч. I. С. 26-28.
7. Из писем «по случаю юбилея» в 1970 г. [Электронный ресурс] // Нева. 2010. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2010/10/tv9.html> (дата обращения: 12.10.2014).
8. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцев. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1998. 702 с.
9. Кодан С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // Исторические исследования. 2014. № 3. С. 60-93.
10. Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. 544 с.
11. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. 688 с.
12. Сорокина М. Ю. Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком [Электронный ресурс] // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 128-143. URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/fates/128-143.htm> (дата обращения: 12.10.2014).
13. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ.; сост. А. П. Огурцов. М.: Прогресс, 1991. 736 с.

CORRESPONDENCE OF A. J. TOYNBEE WITH N. I. KONRAD: TRAITS TO THE EPOCH CHARACTERISTIC

Ivanova Margarita Viktorovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Gur'eva Irina Yur'evna
National Research Tomsk Polytechnic University
regionoved@mail.ru

In the article the world outlook, conceptual, communicative and biographic aspects of the correspondence between N. I. Conrad and A. J. Toynbee are analyzed in the context of the intellectual and social situation in the USSR at the end of the 1960s. The circumstances of the letters appearance in public area are considered. The approach of the authors studying the fact of the communication of two well-known historians and the response caused by this event allows opening more deeply both the cognitive potential of the studied source and the specificity of the social atmosphere of the epoch.

Key words and phrases: correspondence; historical source; “Thaw”; dialogue of cultures; sociocultural context.